

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ
**ОСОБО ВАЖНОЕ
ДЕЛО**

Полковник Гуров

Николай Леонов

Особо важное дело

«Научная книга»

Леонов Н. И.

Особо важное дело / Н. И. Леонов — «Научная книга»,
— (Полковник Гуров)

Когда давит начальство, работать трудно. Полковника Гурова подстегивают – нападение на знаменитого журналиста Бурдашова должно быть расследовано в кратчайшие сроки. Гуров недоволен – инцидент незначительный, а мороки много. Надо опрашивать его знакомых. Но Гурову скучать не придется – на квартире подруги журналиста обнаружен труп мужчины. А это уже серьезно. Значит, преступники охотятся совсем не за Бурдашовым. Им нужна именно его подруга. Только вот зачем?..

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Николай Иванович Леонов

Алексей Викторович Макеев

Особо важное дело

Когда Бурдашов остановил свою «десятку» цвета «мокрый асфальт» метрах в двадцати от главных ворот родильного центра, расположенного на Севастопольском проспекте, тучи, давно уже сгушавшиеся над столицей, разразились проливным дождем, и цвет «мокрый асфальт» стал преобладающим в пейзаже.

Огромный двор центра моментально обезлюдел. Потоки воды, обрушившиеся с неба, размывали силуэты многоэтажных корпусов, стерли тонкую вязь металлической ограды, а броскую вывеску на высокой стене с надписью «Центр планирования и репродукции семьи» превратили в один неудобочитаемый зигзаг.

Струи дождя суетливо бежали и по ветровому стеклу, переплетаясь и наползая одна на другую, точно стая диких насекомых. Бурдашов откинулся на спинку сиденья и достал из «бардачка» сигарету. На душе у него сейчас было так же паршиво, как на улице. Двухмесячная кропотливая работа, поиск нужных людей, осторожные переговоры, тревожное ожидание – все пошло прахом из-за каких-то пяти минут.

Ровно пять минут назад у него должно было состояться деловое свидание с человеком, который мог снабдить Бурдашова уникальной информацией. Но словно сама судьба захотела помешать этой встрече. Сначала неожиданный визит настырной Немовой, от которой не удалось сразу избавиться, а потом этот проклятый ливень, окончательно смешавший карты. Конечно, Бурдашов сам был виноват – в таких случаях следует подстраховываться, а он понадеялся на свою счастливую судьбу. Но теперь все это было не важно, с тем же успехом он мог опоздать на час. Информатор, конечно, не стал его дожидаться – не тот случай. Слишком серьезный подтекст был у этой несостоявшейся встречи.

Александр Александрович Бурдашов был весьма удачливым и, как говорится, острым журналистом, в определенных кругах известным по кличке Бур. Такое прозвище располагало к широкому кругу ассоциаций, начиная от пробивной способности его носителя и кончая неизменным стремлением к независимости – в этом случае на ум приходила, конечно же, англо-бурская война. Но, скорее всего, кличка была лишь сокращением фамилии – удобным и довольно многозначительным.

Бурдашов стяжал славу бунтаря и разоблачителя властей предрежащих в начале девяностых годов и сумел удержать ее в течение последующего десятилетия, несмотря на все перемены в обществе. Он один знал, чего ему это стоило. В глазах читателей Бурдашов по-прежнему был окружен ореолом неподкупного бесстрашного борца – может быть, лишь чуть-чуть потускневшим. Многие удивлялись тому, что Бур до сих пор жив и здоров.

А он не только был жив, но, пожалуй, и процветал в этой жизни. Причина такой удачливости была проста – Бурдашов давно расстался с иллюзиями и смотрел на окружающий мир предельно реалистичным и даже циничным взглядом. К своим тридцати семи годам он ясно понял, что не бывает справедливости для всех, но подавляющее большинство людей только о ней и мечтают. Из сего неизбежно следовало, что справедливость может быть весьма выгодным товаром – только нужно суметь его продать.

Это было совсем не просто, а порой даже и опасно, но знание приходит с опытом. Бур был умен, опытен и давно не лез с голой шашкой на танки. Обзаведясь связями и покровителями, он умело использовал систему сдерживаний и противовесов – все эти клановые, стратегические интересы больших людей, тайнами которых он зарабатывал себе на хлеб. Читателю было

невдомек, что хлесткая статья о коррупции, подписанная именем Бурдашова, заказана едва ли не близнецами тех же самых коррупционеров, которых разоблачал бесстрашный журналист.

Но это не значило, что ему все давалось легко и просто. Бурдашов мечтал о том же, о чем втайне мечтает каждый писака, – о международной известности, о статусе собственного корреспондента какой-нибудь «Нью-Йорк Таймс», о запредельных гонорарах, о путешествиях по всему миру – а такие вещи осторожностью не даются. Настоящая сенсация – это всегда риск, а в России риск двойной. Но если ты хочешь добиться чего-то действительно большого, ты просто обязан иногда рисковать.

Сегодняшняя встреча была связана именно с риском. Бурдашова давно интересовала личность одного человека из окружения, страшно сказать, самого Президента – занимавшего скромную должность советника, но, по некоторым данным, имевшего огромное влияние на кадровую политику в высших эшелонах власти и использовавшего это влияние, помимо прочего, во вполне понятных и банальных целях, то есть поднимая свое личное благосостояние до невиданных высот.

Разумеется, у этого человека были не только друзья, но и враги. Именно на поиски таких людей Бурдашов потратил столько сил и времени. Ему ненавязчиво пытались мешать, давая при этом понять, что такая деликатность не может продолжаться вечно. Предвидя возможные осложнения, Бурдашов предпринял некоторые меры. Он даже пошел на то, чтобы заручиться поддержкой общественного мнения, в своих газетных публикациях и выступлениях на радио довольно прозрачно намекая на опасность, которой он подвергается со стороны спецслужб. Бурдашова, как правдолюбца и борца за права человека, знали и за границей, поэтому в крайнем случае такое предупреждение вполне могло сработать.

Однако, пользуясь спортивной терминологией, первую попытку Бурдашов загубил самым бездарным образом. Он даже не прыгнул – просто не добежал до снаряда. Это было обиднее всего.

Бурдашов закурил и задумчиво посмотрел на мутную пелену дождя за ветровым стеклом автомобиля. А вдруг информатор тоже опоздал – мелькнула у него спасительная мысль. По такой погоде всякое могло случиться. Впрочем, Бурдашов тут же выругал себя сквозь зубы, назвав старым ослом – для профессионала было непростительно верить в такую чепуху. Достаточно уже того, что он совершил невозможное – опоздал на важную встречу. Наивно думать, что найдется еще один такой же недотепа.

Но был ли здесь информатор? Бурдашов не был в этом до конца уверен. А что, если эта встреча – не более чем провокация? Такое вполне могло быть, и тогда ему не стоило здесь задерживаться. Журналист сделал попытку разглядеть что-то за стеклами, по которым хлестал дождь, но ничего не увидел, кроме размытых пятен.

Место, выбранное информатором для встречи, на первый взгляд могло показаться не слишком удачным, а возможно, и странным. Почему родильный центр? Хотя именно здесь появление лишней машины не могло привлечь ничьего внимания. С другой стороны, большое открытое пространство перед многокорпусным комплексом позволяло издали заметить присутствие возможного «хвоста».

Правда, не в такую погоду. Сейчас сюда хоть на танке подъезжай – за двадцать метров не различишь. Но вряд ли тот человек, которого ждал Бурдашов, был силен в метеорологии. И уж наверняка он не умел собирать и разгонять тучи.

Журналист раздавил сигарету в пепельнице, с досадой посмотрел на циферблат наручных часов. С момента его приезда прошло уже шесть минут. Пожалуй, дальше рисковать не стоит. Бурдашов включил «дворники».

Тут все и случилось. Вдруг слева на залитое водой стекло надвинулась стремительная тень, дворца как бы сама собой распахнулась, Бурдашова обдало колючими брызгами, а потом

в шею ему ткнули чем-то жестким и горячим, от чего у него перехватило дыхание и потемнело в глазах. Он стукнулся лицом о рулевое колесо, уже не осознавая этого.

Первое, что Бурдашов почувствовал, когда очнулся, это какой-то отвратительный кислый вкус во рту и дрожь во всем теле. Электрошок, подумал он, они вырубили меня с помощью электрошокера. Значит, все-таки это провокация. Но что же последует теперь?

Его, несомненно, куда-то везли – в его собственной машине. В этом Бурдашова убеждал знакомый запах салона. Увидеть он ничего не мог – его лицо упиралось в мужское бедро, обтянутое грубой тканью поношенных брюк. От мокрой штанины тошнотворно пахло псиной. Однако как-то изменить положение Бурдашов не мог, его шею крепко сжимала чья-то каменная рука, не давая не только поднять голову, но даже пошевелиться.

Поскольку все происходило на заднем сиденье, а машина двигалась, Бурдашов рассудил, что, кроме него, в ней находятся, по крайней мере, еще двое. Намерения их были неизвестны. Бурдашов завязал бы с ними разговор, но в том унижительном положении, в каком он находился, можно было только мычать, а выставять себя на посмеище ему не хотелось. Бурдашов решил подождать, пока незнакомцы заговорят сами. Но они помалкивали.

Сколько времени они находятся в пути, Бурдашов мог только догадываться, как, впрочем, и о том, куда они направляются. Между тем неприятный червячок уже начинал шевелиться в области сердца – Бурдашов вполне допускал, что период уговоров закончился и его ждет нечто более неприятное – слово «худшее» просто не хотелось употреблять.

По тому, как запрыгала машина, Бурдашов догадался, что они свернули с асфальта и едут по грунтовке, изрядно подмоченной дождем. Решив, что слишком далеко заехать просто не было времени, Бурдашов предположил, что они находятся где-нибудь в районе Битцевского лесопарка. Он и в хорошую погоду не был любителем природы, а уж такая несвоевременная прогулка ничего, кроме самых мрачных предчувствий, в нем не вызывала.

Неожиданно его машина будто взбрыкнула. Бурдашова подбросило на сиденье, а шея его, зажатая в замок крепким локтем, едва не переломилась пополам и отреагировала обжигающей болью, пронзившей тело от затылка до поясницы. Снаружи послышался характерный треск сминаемых кустов, скрежет веток о днище, а потом все вдруг стихло, и машина остановилась.

Бурдашов, надеявшийся на некоторое облегчение своего положения, был страшно разочарован. Сидевший рядом человек даже не шелохнулся. Лишь когда водитель перебрался на заднее сиденье, Бурдашову бесцеремонно запрокинули голову и сноровисто заклепили глаза липким непрозрачным скотчем. Он так ничего и не успел увидеть. Зато прикосновение к лицу чужих грубых пальцев вызвало острое чувство отвращения, несмотря на то что пальцы эти, как ощутил Бурдашов, были в тонких резиновых перчатках. Запах, исходящий от резины, навел на мысль о неприятных вещах – о хирургии, окровавленных салфетках, остро отточенных скальпелях и секционных столах.

Бурдашову невольно захотелось протестовать, кричать от ужаса, но реализовать это желание не удалось, потому что рот ему заклепили тоже. Значит, говорить не придется, сообразил он, подавляя в себе приступ предательского страха, – только слушать.

Но он снова ошибся – никто не собирался ничего ему говорить. Вообще-то это был плохой признак. Бурдашову приходилось попадать в переделки – набираясь жизненного опыта, бывал он крепко бит, и в автокатастрофу угодил дважды, и машину у него взрывали, и у него была возможность убедиться, что чем меньше слов, тем энергичнее действие. Поэтому настроение сейчас у него было далеко не радужное.

Затем произошло, на взгляд Бурдашова, нечто странное. Его, ослепшего и онемевшего, грубо раздели, не побрезговав даже туфлями и носками, и выволокли на свежий воздух. Стоя в одних трусах под проливным дождем, Бурдашов лишь по слуху мог догадаться, что один из носителей резиновых перчаток роется в его автомобиле. Второй терпеливо мок рядом под дождем, предупреждая любую попытку со стороны журналиста вернуть себе свободу.

Странным было то, что эти люди, несомненно, что-то искали. Это было бы естественно, если бы встреча состоялась и Бурдашов получил в свои руки некий носитель информации. Но ведь ничего подобного не случилось, и не было смысла затевать спектакль. Для профессионалов такое поведение было, мягко говоря, не слишком обычным. Журналист мог предположить только одно – спецслужбы в данном случае лопухнулись, упустили объект, когда он шел на встречу, а теперь обыскивают его, Бурдашова, просто для очистки совести.

Конечно, все делалось как-то торопливо, грубо, совсем без изящества, словно действовали банальные налетчики, гопники, но в этом тоже мог быть некий расчет. Бурдашов решил, что ему будет о чем подумать, если, конечно, удастся дожить хотя бы до обеда. В этом он совсем не был уверен до той самой минуты, когда его, замерзшего и мокрого, затолкали на заднее сиденье «десятки», предварительно связав за спиной руки все тем же проклятым скотчем.

Но через некоторое время, придя в себя и убедившись, что давно уже ничего не слышит, кроме равномерного шума дождя, Бурдашов с облегчением понял, что его наконец оставили в покое и больше ему ничего не грозит, кроме перспективы подхватить воспаление легких. Для неподвижного лежания в одних трусах было чересчур прохладно.

Он и не стал лежать. Не без некоторого труда сполз с сиденья, босыми ногами нащупал сырую, прибитую ливнем траву. Липкая повязка на глазах при сильно задранной голове позволяла видеть узкую полоску земли под ногами. Сообразив это, Бурдашов медленно побрел прочь от машины, надеясь встретить кого-нибудь, кто поможет ему освободить руки. Собственный жалкий вид его нисколько не смущал – в мыслях он уже готовил новый сенсационный репортаж, в котором фигура униженного журналиста в трусах должна стать центральной и почти героической. И, пожалуй, он продаст этот репортаж на радио «Свобода» – так будет надежнее в целях дальнейшей безопасности.

Глава 1

Каждому ребенку известно, что милиция работает не покладая рук, в любую погоду, днем и ночью, забывая о пище и сне. И все-таки, когда начальство с генеральскими погонами вызывает тебя на ковер после восьми вечера, причем срочно и в крайне официальной форме, это не может не настораживать. Такое случается не так уж часто.

Полковника Гурова это тоже насторожило, хотя с начальником главка его связывали не только служебные, но и давние дружеские отношения. Генерал-лейтенант Орлов пробивался к служебным высотам не за счет интриг и влиятельных родственников, а тернистым путем оперуполномоченного, начав с самых низов. Наверное, поэтому он не растерял способности видеть в подчиненном прежде всего человека и был способен прощать мелкие слабости и даже некоторое своеволие, понимая, что безвольный опер – это уже профнепригодность.

Однако сейчас в голосе генерала не было даже намек на дружелюбие, и это выглядело странно. Как и то, что по телефону он позвонил сам, а не поручил сделать это секретарше. Опуская трубку на рычаг, Гуров задумчиво посмотрел на Крячко, с которым делил кабинет, и сказал:

– Как старый сыскарь, с уверенностью высказываю предположение, что в нашей богдельне произошло что-то из ряда вон выходящее. А я-то, старый дурак, уже мысленно лыжи до хаты наострил! Зарекалась ворона дерьмо клевать...

Полковник Крячко, небрежно одетый крепыш с простоватой веселой физиономией, сочувственно вздохнул и спросил:

– Его превосходительство вызывают? Обоих? Обидно – я ведь нынче не во фраке...

– День, когда ты будешь во фраке, в календарях отметят красным, помани мое слово! – усмехнулся Гуров. – Но сейчас можешь расслабиться. Велено явиться без сопровождающих.

– Тогда это действительно из рук вон! – уважительно заметил Крячко. – Да ведь ты без меня пропадешь. Дай хоть перекрещу тебя, сыне!.. – Он дурашливо начертил в воздухе что-то отдаленно напоминающее крест.

– Постараюсь не пропасть, – серьезно сказал Гуров. – Но как сыскарь со стажем выскажу предположение, что впереди у меня большая драма на семейном фронте. Ты же знаешь, Мария завтра улетает в Париж на гастроли. А я имел неосторожность обещать, что сам отвезу ее в аэропорт и лично поцелую на прощание.

– Да, кажется, над этой идиллической картинкой повисает большой знак вопроса! – согласно кивнул Крячко. – Но не беда. Если что, я тоже могу отвезти Марию в аэропорт. А уж поцеловать... – он мечтательно зажмурил глаза.

– Остынь, – добродушно сказал Гуров и вышел из комнаты.

То, что матерый мент Гуров был женат на красавице Марии Строевой, ведущей актрисе одного из лучших московских театров, задевало многих. Реакция на этот факт была самой разнообразной – от презрительного недоумения недоброжелателей до шуточек в духе Станислава Крячко. Гурова это мало трогало – его отношения с женой далеко не всегда были простыми, но главное, они по-настоящему любили друг друга. Все прочее же отлично укладывалось в классическую восточную схему – собаки лают, а караван идет.

Но Гуров точно знал, чего Мария заведомо не потерпит даже от него. Как всякая женщина, она ненавидела, когда нарушают данное слово, и никакие ссылки на служебные и государственные интересы тут не проходили. Если Гуров обещал завтра утром проводить ее в аэропорт, он должен был сделать это, хоть тресни. В противном случае его ждал скандал, блистательно разыгранный фейерверк страстей, беспощадный гнев оскорбленной в своих лучших чувствах женщины, и ничего с этим нельзя было поделать.

Все это Гуров отлично понимал, но он также понимал, что, если в главке действительно произошло что-то серьезное, ему от этого не уклониться. Да он и сам ни при каких условиях не стал бы уклоняться от серьезного дела. Даже ввиду семейного катаклизма. Оставалось надеяться, что все его предположения не более чем ложная тревога и генерал вызывает его просто поговорить – например, о погоде.

Представив в уме такую нелепую возможность, Гуров не смог удержаться от улыбки. Пока он еще мог себе это позволить. Но в приемной неизменная секретарша генерала, Верочка, встретила Гурова сочувственным взглядом и виновато указала на дверь кабинета. Она тоже явно чувствовала что-то неладное.

Гуров успел заметить, что в приемной томятся двое мужчин – один в штатском, а другой в форме капитана милиции. Лицо милиционера выражало полное смятение и одновременно почтительное любопытство – и на Верочку, и на Гурова он смотрел с одинаковым подобострастием и восторгом. Впервые попал в коридоры власти, подумал про себя Гуров, никак не освоится. Спутник капитана выглядел замкнутым и ко всему равнодушным. Лицо его показалось Гурову смутно знакомым, но он не стал вспоминать, кто это, а сразу прошел в кабинет генерала.

Там уже, кроме него, было двое гостей. Оба в дорогих костюмах, при галстуках, на лицах выражение привычной уверенности и официоза. Орлов, серьезный и насупленный, сидел за столом при полном параде – на генеральском кителе тускло поблескивало золотое шитье погон. Гурову он коротко кивнул и тут же доверительным, даже каким-то таинственным тоном сообщил гостям:

– Прошу любить и жаловать, Лев Иванович Гуров – наш лучший оперуполномоченный!

На это один из гостей, осанистый и густобровый, в котором с первого взгляда угадывался офицер, одобрительно наклонил голову, а второй, зеркально лысый, но с аккуратно постриженной полукруглой бородкой, добродушно сказал, картавя:

– Очень приятно. Премного слышаны о Льве Ивановиче. Рады теперь познакомиться лично. Присаживайтесь, Лев Иванович! Моего спутника зовут Петром Сергеевичем. А я – Валентин Брониславович... Отчество труднопроизносимое, поэтому можно просто по имени...

– Ничего, я справлюсь, – холодно сказал Гуров, присаживаясь на стул возле стола, образующего со столом генерала букву Т.

Теперь они сидели лицом друг к другу – Гуров и оба посетителя. Трудно, впрочем, было назвать их именно так – уж слишком по-хозяйски они держались. Однако Гуров догадывался, что должностей своих они ему не назовут. Но то, что они спустились откуда-то с самых вершин, было ясно без слов.

– Допоздна засиживается, Лев Иванович, – продолжил Валентин Брониславович самым благодушным тоном. – Много работы?

– Хватает, – сухо ответил Гуров, искоса наблюдая за генералом. Почему-то он был уверен, что суть дела изложит его непосредственный начальник, а эти двое будут лишь корректировать возможные погрешности.

Так и вышло. Орлов поднял голову и посмотрел на Гурова в упор.

– В общем, так, Лев Иванович! – жестко провозгласил он. – Не будем, как ты говоришь, размазывать кашу по тарелке. Хочу поручить тебе одно дело. Кстати, ссылки на загруженность сразу можешь засунуть куда-нибудь подальше. Дело, на первый взгляд, простое, но крайне серьезное. Потому тебя и выбрали. Принимая во внимание твой авторитет и опыт. И учти, заказ исходит с самого верха, – он многозначительно поднял палец. – Соображаешь теперь?

– Нет, – сдержанно ответил Гуров. – Лучше будет, если вы начнете с начала, а не с верхов, товарищ генерал.

Орлов не смог сдержать улыбки, а Валентин Брониславович поспешно сказал:

– Генерал имеет в виду, что результатов расследования с нетерпением ждут в окружении Президента, Лев Иванович. Всенародно избранного, между прочим. Надеюсь, вы ничего не имеете против Президента? – Его тонкие губы сложились в лукавую усмешку.

– Разумеется, нет, – отрезал Гуров, не принимая шутки. – Но думаю, у Президента и без меня найдутся люди, способные вести серьезное расследование. Или я ошибаюсь? Здесь чересчур пахнет политикой. Извините, господа, но это не мой курятник!

Петр Сергеевич при этих словах недовольно сдвинул свои выдающиеся брови и сердито заворочался на стуле.

– Он не понимает! – буркнул он нетерпеливо. – Договорились ведь...

Валентин Брониславович сокрушенно покачал головой, словно соглашаясь с невысказанными претензиями товарища, и уже совершенно серьезно сказал:

– Я сейчас вам все объясню, Лев Иванович! Выбор на вас пал совсем не случайно. Но прежде ответьте – вам известно имя журналиста Бурдашова?

– Да, я читаю газеты, – кратко ответил Гуров.

– Замечательно! – восхитился бородатый. – Тогда вы все схватите на лету. Итак, излагаю по порядку. Пятнадцатого июля около девяти часов утра гражданин Бурдашов, будучи на своей машине, находился в районе Центра репродукции семьи, что на Севастопольском проспекте. По его словам, там у него было назначено деловое свидание. Человек, которого Бурдашов ждал, не пришел, но зато в машину к нему неожиданно сели двое, скрутили его и вывезли в район Битцевского лесопарка. Там журналист был связан и обыскан – буквально до трусов. Затем преступники просто бросили его на произвол судьбы и удалились. Но это не все. Примерно в то же время была вскрыта квартира Бурдашова, и там тоже был произведен обыск. В подробности я вдаваться не буду. Бурдашов, когда освободился, сразу обратился в МУР. Следственная группа МУРа сейчас здесь – примете у них дело, тогда и узнаете подробности. Только учтите, они вас должны информировать, а не наоборот!

Гуров кашлянул и демонстративно оглянулся на своего шефа. Бородатый Валентин Брониславович угадал его мысли и предупредительно заметил:

– Вся суть, Лев Иванович, в том, что Бурдашов на девяносто процентов уверен – люди, напавшие на него, действовали по указке Кремля!

– А это не так, – двусмысленно произнес Гуров.

– Это абсолютно не так, – твердо сказал Валентин Брониславович, глядя Гурову прямо в глаза.

– В жизни всякое случается, – уклончиво заметил Гуров и добавил: – Откуда же у этого чудака столько уверенности?

– Понимаете, Лев Иванович, – проникновенно сказал бородатый. – В последние месяцы Бурдашов готовил материал о коррупции в окружении Президента. У него была, так сказать, конкретная мишень. Озвучивать имя этого человека не имеет никакого смысла, потому что он тут совершенно ни при чем. Ни при чем тут и спецслужбы, на которые грешит Бурдашов. Нападение на него было неприятным совпадением, не более...

– Совпадения, как правило, тщательно готовятся, – как бы между прочим обронил Гуров, нисколько не пасуя под пристальными взглядами гостей.

– Ну, я бы попросил... – запыхтел густобровый, наливаясь краской.

– Так я это к тому, – невинно заметил Гуров, – что кому какая разница, что думает Бурдашов? На то он и журналист, чтобы думать. Ни я, ни вы ему в том помешать не можем...

Хладнокровие ни на миг не изменило Валентину Брониславовичу. Придерживая за рукав своего горячего товарища, он терпеливо разъяснил:

– Никто из нас не собирается мешать ему думать. Но у нас есть сведения, что Бурдашов намерен подготовить ряд публикаций – в том числе и для зарубежных изданий, – в которых

попросту собирается исказить ход событий в угоду сенсационности. То есть представить свои злоключения как происки кремлевских чиновников и спецслужб...

– А хоть бы и так! – непонимающе воскликнул Гуров. – Я ведь человек простой, я как понимаю? Если исказил – пожалуй в суд!..

– Все не так просто, – поморщился Валентин Брониславович. – Вы же умный человек, Лев Иванович... Никому не нужен этот скандал. Посмотрите, какова сейчас политическая обстановка... Вспомните совсем недавние недоразумения с прессой на Украине, в Белоруссии... Пристальное внимание к ним Запада... Руководство считает, что нам ничего подобного допускать сейчас нельзя. Теперь улавливаете? На самом деле к нападению на Бурдашова Кремль никакого отношения не имеет. В этом я могу вам поклясться. Но, естественно, если расследование возьмут на себя спецслужбы, Бурдашов воспримет это как фарс. Это не устроит ни его, ни нас. Совсем другое дело, если за разгадку тайны возьмется полковник Гуров. Будьте уверены, Бурдашов отлично знает, кто вы такой, знает вашу репутацию и, не побоюсь сказать, безоговорочно доверяет вам. Если преступников найдете вы, Бурдашов не станет предъявлять претензий.

– А кроме Бурдашова? – поинтересовался Гуров. – Ни у кого не будет претензий? Вдруг я и правда найду преступников...

Валентин Брониславович впервые тяжело вздохнул и уже более мрачным тоном не сказал – отчеканил:

– Последний раз повторяю, Лев Иванович, никакие официальные структуры к нападению на журналиста отношения не имеют! Это я заявляю категорически! Более того, мы сами заинтересованы в скорейшем задержании преступников и выяснении истины. Максимальный срок, который вам отпущен, – неделя. Если понадобится помощь, обращайтесь без стеснения. Единственная просьба – никого из сотрудников в подробности не посвящать. Вообще, как можно меньшая огласка – первое условие расследования. Собственно, с Петром Николаевичем мы уже все обсудили – он обещал, что с вашей стороны будет полное взаимопонимание...

– Разумеется, будет! – сердито прогудел генерал, бросая на Гурова взгляд, пылающий недобрым огнем. Впрочем, было не совсем ясно, на кого больше досадует Орлов – на Гурова, гостя или на судьбу вообще.

Гуров не стал обострять ситуацию – промолчал. Тем более что оба гостя, посчитав свою миссию выполненной, почли за благо удалиться, оставив Гурова с Орловым наедине. Исполнив короткий ритуал мужественных рукопожатий, они пожелали Гурову удачи и покинули кабинет.

После их ухода Гуров с Орловым некоторое время молчали. Они знали друг друга так давно, что и без слов догадывались, у кого что на уме. Наконец генерал сердито засопел, посмотрел на Гурова исподлобья и с вызовом сказал:

– Не смотри на меня, как Ленин на буржуазию! Не я этот мир выдумал. Ты у нас по особо важным делам? Вот и работай! Дело – важнее не придумаешь. Значит, тебе и карты в руки...

– На каждого верблюда грузят столько, сколько он может унести... – задумчиво произнес Гуров и жестко добавил: – А если этот писака не ошибся? А нам чужую задницу прикрывать? Я для этого не гожусь, ты знаешь.

– Зря суетишься! – сказал генерал. – Здесь все чисто. Можешь мне поверить. Была бы тут коррупция – по-другому бы действовали. И про тебя бы не вспомнили, с твоей репутацией... Другой тут след.

– Ну-ну! – хмыкнул Гуров. – Твоими бы устами... Только учти, в поддавки не играю – можешь так и передать. Искать буду, а уж там как бог даст. Что выросло, то и выросло, короче...

– А я о чем? – обрадовался Орлов. – Принимай дело у муровцев. Они, бедолаги, у меня в предбаннике сидят, видел? Следователем Бенедиктов назначен – ты его знаешь. Но его роль здесь оговорена четко – ни во что реально не вмешиваться, вести летопись твоих подвигов. Так

что Стаса своего подключай – и вперед! Только помни, – он предостерегающе поднял палец. – Лишнего даже Стасу знать не обязательно! Все-таки трепло он у тебя.

– Обидеть подчиненного – дело нехитрое, – пробормотал Гуров, рассматривая сверкающие носки своих туфель. Навязанное дело ему не нравилось, и он не считал нужным скрывать это.

– Ты поговори! – грозно фыркнул генерал. – Приказ есть приказ. В общем, что тут толковать – подключай Стаса и с утра берись за этого Бурдашова вплотную. Поинтересуйся, кому он еще дорогу перешел. У него таких «друзей», наверное, много...

– А у меня, между прочим, супруга завтра в Париж улетает, – негромко сказал Гуров. – С театром, на гастроли. Обещал лично доставить к самолету. И поцеловать на прощание. Уважительная причина?

Генерал насупился. Он лично был знаком с женой Гурова, считался другом дома. Однако сегодня он совсем не был расположен к сантиментам.

– Поцеловаться и дома можно, – сварливо сказал он. – И с такси у нас в столице никаких проблем. Как хочешь, а в этом деле каждая минута на счету. Попробуй объяснить это Марии. А не сумеешь – можешь на меня ссылаться. Смело.

– Умеешь утешить, – сказал Гуров.

Глава 2

За долгие годы работы в милиции Гуров научился неплохо разбираться в человеческой психологии, зато далеко не всегда мог предвидеть поведение собственной жены. Оно было непредсказуемо в принципе. Пожалуй, это никак не сказывалось на любви Гурова к Марии – возможно даже, способствовало ей, хотя без проблем, конечно, не обходилось.

Но на этот раз все сошло гладко. Гуров не поверил собственным ушам. Мария выслушала его сбивчивые сумрачные объяснения совершенно хладнокровно и заметила:

– Между прочим, я загадала, Гуров, – если ты, вместо того чтобы провожать красавицу-жену, помчишься искать какого-нибудь порочного типа с низким лбом и китайским «ТТ» в кармане, значит, гастроли пройдут на «ура», а меня засыплют цветами. Если же ты поступишь, как полагается порядочному и нормальному человеку, – нам уготован провал. Теперь можно не волноваться. В Париже меня определенно ждет успех.

– Меня смущает, что в твоём голосе я не угадываю сарказма, – удрученно заметил Гуров. – Должно быть, старею. Нюансы от меня ускользают.

– Не вешай нос, – ответила Мария. – Все в порядке. Просто в моем голосе нет сарказма. Я израсходовала его на твоего любимого шефа.

– Он тебе звонил? – поразился Гуров.

– Разумеется. И все объяснил. Мне его объяснения не понравились, но показались убедительными. В них есть логика. Кроме тебя, Бурдашов никому не поверит.

– Ты знаешь Бурдашова? – еще больше удивился Гуров.

– Почему же нет? Он бывает на многих тусовках. На театральных в том числе. Кстати, о конфликте в Большом он тоже что-то писал. И по нашему театру тоже прошелся... Острое перо, что подделаешь!

– По-твоему, что он за человек? – спросил Гуров. – Он действительно такой правдолюбец, рыцарь без страха и упрека?

– Во всяком случае, он пользуется проверенными фактами. Технология тут простая. Там, где есть что делить, всегда происходит грызня. Это даже у нас за кулисами заметно... Просто некий Игрек, намеревающийся свалить некоего Икса, сливает на него компромат Бурдашову, и тот с удовольствием кромсает Икса своим острым пером. Чем-то он рискует, конечно, но, как правило, за его спиной обязательно кто-нибудь есть. И потом, смелость неплохо оплачивается...

– Ну, это спорный вопрос... – заметил Гуров. – Чаще хорошо оплачивается как раз трусость.

– Это в тебе честный мент говорит, – сказала Мария. – Глас вопиющего в пустыне. Трусость теперь называется совсем по-другому.

– И как же она теперь называется, позволь узнать? – заинтересовался Гуров.

– По-разному называется, – засмеялась Мария. – Например, предприимчивостью, нежеланием вмешиваться в ход следствия, политкорректностью – нужное подчеркнуть...

– А что он вообще за человек, этот Бурдашов? – спросил Гуров. – Какой у него характер? Легко ли идет на контакт?

– А где ты видел журналиста, который трудно идет на контакт? Или имеет ангельский характер? Правда, я не настолько хорошо его знаю... И вообще, мой милый, ты, кажется, уже напрочь забыл, что меня ждет Париж! И, если не хочешь окончательно испортить мне настроение, побереги свое служебное рвение до моего отъезда.

– Виноват, забылся, – смущенно пробормотал Гуров, целуя жену в прохладную гладкую щеку. – Служба государева, будь она неладна... Но в день твоего приезда я буду в аэропорту как штык, клянусь! Ты узнаешь меня по большому букету роз.

– Знаю я твои клятвы, – вздохнула Мария. – Не удивлюсь, если вместо Гурова с розами меня встретит Стас с бутылкой сухого... Ладно, ладно, долгие проводы – лишние слезы! Оставь меня, Гуров! – шутиливо, но с затаенной досадой закончила она.

Они еще раз поцеловались, и Гуров поторопился уйти. Ему хотелось поскорее переключиться на работу, чтобы не копаться в собственных переживаниях, но сейчас это не получалось. Его обуревали смешанные чувства – ему было неловко перед женой, но в то же время в глубине души Гуров испытывал облегчение от того, что не придется ехать в аэропорт, ловить на себе любопытные взгляды, вступать в контакт с актерской братией – с этими странными существами, на лицах которых непременно лежит отблеск гениальности, а в глазах у каждого – неугасаемая ревность к любому претенденту на ту же самую гениальность.

Гуров был уверен, что только могущественный небесный покровитель мог благословить брак таких разных людей, как оперуполномоченный по особо важным делам Лев Гуров и знаменитая артистка Мария Строева. Без небесных сил здесь никак не обошлось. Да и вообще, любой брак – вещь странная и даже, пожалуй, чуточку иррациональная.

Именно с такой мыслью Гуров уселся в свой «Пежо» и поехал в Марфино, где на Ботанической улице располагалась небольшая частная клиника, в которой находился Бурдашов. После своих приключений он все-таки получил воспаление легких и небольшое нервное расстройство в придачу. Теперь в тишине и покое он усиленно лечился.

Об этом Гурову поведал накануне тот растерянный капитан из МУРа, что сидел в генеральской приемной в компании со следователем. Именно они начали вести дело Бурдашова, но далеко не продвинулись и, кажется, не слишком были огорчены, когда спихнули его на широкие плечи Гурова. Практически ему все нужно было начинать с самого начала – ничего, кроме протокола осмотра места происшествия и невнятных показаний потерпевшего, в деле не было.

По пути Гуров заехал за Крячко – он был убежден, что напарник обязан немедленно включиться в расследование и знать о нем все до последних деталей. Предупреждение Валентина Брониславовича о пущей секретности он попросту выбросил из головы. Однако самого Крячко попросил быть поосторожнее.

Стас подсел в машину на Садовом кольце. Весело поздоровавшись, он первым делом осведомился, как прошло расставание.

– Не наступай на мозоль! – грубовато сказал Гуров. – И вообще, давай сразу о деле. Настроение у тебя, я смотрю, какое-то... летнее!..

Он покосился на Крячко, который сегодня вырядился в пеструю рубашку с короткими рукавами и просторные белые брюки. Он действительно был похож на человека, намеревающегося на всю катушку оттянуться где-нибудь на солнечном пляже. Сам Гуров был в костюме и белоснежной рубашке. Единственная вольность, какую он себе сегодня позволил, – это обойтись без галстука. Ему показалось, что в общении с журналистом излишняя официальность может только помешать. Станислав же, судя по его виду, был просто в этом уверен.

– Ну что ж, давай о деле! – легко согласился Крячко. – Только не забывай, вчера ты ограничился одними многозначительными намеками. Хотелось бы знать подробности, а также соображения великого сыщика по поводу сих подробностей.

– А соображения у меня самые хреновые, – отозвался Гуров. – Подозреваю, что нас тут не ждет ничего хорошего, кроме плохого, как говорят в Одессе. Зато уж от любителей вставлять палки в колеса отбоя не будет! Помяни мое слово, потерпевший первым начнет вилять и темнеть.

– Ну, у нас не повилеешь! – самодовольно заметил Крячко. – Лучше скажи, этот Бурдашов – кто он? Не тот ли, что в прошлом году руководство столичного МВД критиковал?

– Он самый, – ответил Гуров. – Парень не простой. Палец ему в рот класть не стоит.

– Однако и он влетел, – констатировал Крячко. – Как вообще-то дело вышло?

– Пятнадцатого числа он поехал на встречу с каким-то человеком. Там его скрутили двое, выключили с помощью электрошока и отвезли в Битцевский лесопарк. Обыскали самого, машину и смылись. И все это не говоря ни слова и не нанося телесных повреждений. Самое интересное, что, пока его потрошили на природе, кто-то параллельно обыскивал квартиру – он живет в элитном доме на улице Расплетина. И там все было сделано аккуратно, без излишеств.

– Если его не тронули, что ж он в больницу-то попал? – удивился Стас. – Перенервничал, что ли?

– Простудился, – коротко сказал Гуров. – Помнишь, в тот день какой ливень был? А он раздетый. Хорошо еще, далеко они его не завезли – сумел на шоссе выбраться.

– Приметы нападавших? – деловито спросил Стас.

– Какие, к черту, приметы! – вздохнул Гуров. – Ничего он не видел. Не успел. Чисто сработали. В показаниях значится – двое крепких мужчин в кожаных куртках и резиновых хирургических перчатках. Это Бурдашов определил с помощью обоняния и осязания – глаза-то ему сразу завязали. Я так полагаю, раз они даже в лесу в перчатках орудовали, то от экспертизы многого ждать не приходится. Голый это номер.

– Двое крепких мужчин! – хмыкнул Крячко. – Мы с тобой перчатки наденем – вылитый словесный портрет!

– Ну, ты-то можешь не беспокоиться, – хладнокровно заметил Гуров. – Те ребята молчаливые были, а ты, наверное, и когда спишь, рот не закрываешь...

– Намек понял, – сказал Крячко. – Господин сыщик сегодня не в духе. Только я-то при чем?

– Да ни при чем ты, конечно! – поморщился Гуров. – А настроение у меня действительно скверное. Меньше всего на старости лет хочется паяца разыгрывать. Ты хоть понимаешь, почему меня на это дело поставили? Из-за моей репутации! Бурдашов этот на самом верху коррупции ищет, а я его убедить должен, что он ищет не там!

– А что – самому не верится? – хитро прищурился Стас.

– Да не в этом дело! Не мой это курятник! Ну, найду я этих ребят молчаливых – а у них вдруг «крыша» под рубиновыми звездами? И что за этим воследует?

– Да ты раньше времени не горюй! – усмехнулся Стас. – Может, не так все худо. Я вот что думаю своим скудным умишком – если Бурдашов за информацией шел и ее не получил, то за каким чертом его обыскивать? А тем более по квартире шарить? Значит, не эту информацию искали – что-то другое!

– Да я и сам сомневаюсь, – согласился Гуров. – Но не хочу ничего загадывать, пока с Бурдашовым не поговорю. Хотя вряд ли он многое скажет.

Частная клиника, в которой лежал журналист, располагалась в глубине узкого двора, огороженного чугунным забором. Опера ожидали, что у ворот их встретит охрана, но вход оказался совершенно свободный. Гуров и Крячко прошли по двору, больше похожему на засаженную старыми липами аллею, поднялись на каменное крыльцо двухэтажного здания и через тяжелую дубовую дверь попали в небольшой сумрачный вестибюль, где пахло, как ни странно, цветами и где их встретила деловитая привлекательная женщина в изящном белом халате, туго перетянута в талии.

– Господам что-то угодно? – с заученной улыбкой спросила женщина, пристально разглядывая посетителей холодными серыми глазами.

Гуров знал, что нравится женщинам, и, как ему казалось, никаких особенных эмоций по этому поводу не испытывал. Но сейчас, к своему неудовольствию, обнаружил, что это не так – бесчувственный оценивающий взгляд этой медички задел его самолюбие. Он мысленно выругал себя за такое ребячество и, чтобы поскорее отвлечься от глупых рассуждений, спросил подчеркнуто сухо:

– Нам необходимо навестить Бурдашова Александра Александровича. У нас есть сведения, что он находится в этой больнице.

Медичка выслушала его, и в ее лице абсолютно ничего не изменилось. Ровным голосом она сказала:

– Прошу прощения, но я должна проконсультироваться с врачом по этому вопросу. А вы можете пока подождать в комнате для посетителей... Но вначале я попрошу вас назваться...

Гуров показал удостоверение и заметил:

– Мы можем подождать и здесь, милая барышня, но очень недолго. И нам было бы желательно самим проконсультироваться с врачом, понимаете? Это очень серьезно.

Девушка не стала спорить.

– Я сейчас же справлюсь, – пообещала она.

Врач оказался маленьким неторопливым человечком неопределенного возраста в мешковатом белом халате. На его мясистом носу красовались очки с толстыми стеклами. Он внимательно выслушал Гурова, многозначительно покосился на цветастую рубашку Крячко и все-таки вынес решение в их пользу. Правда, от некоего предисловия он не смог удержаться.

– Хотите знать мое мнение? – неприятным голосом поинтересовался он. – Сейчас я бы оградил больного от любых контактов. Но у меня четкая договоренность с Александром Александровичем – пропускать к нему любых официальных лиц. Поскольку вы таковыми являетесь...

В палату к Бурдашову он проводил их лично. Журналист сидел в небольшой уютной комнате, за раскрытым окном которой качались ветви старой липы. Он работал.

Одетый в щегольскую пижаму, осунувшийся и небритый, Бурдашов сутулился, сидя на кровати. На коленях его лежал раскрытый ноутбук. Пальцы яростно летали по клавиатуре. Он не сразу прекратил свое занятие даже после того, как в палате появились посторонние. Гурову это не очень понравилось, но он постарался сдержать раздражение.

– Здравствуйте, Александр Александрович! – сказал он. – Прошу простить за вторжение, но дела службы... Разрешите представиться – старший оперуполномоченный по особо важным делам Гуров Лев Иванович. А это мой коллега – Крячко...

Бурдашов вскинул голову, отложил ноутбук и поднялся навстречу гостю.

– Знаменитый Гуров! – улыбнувшись одними губами, произнес он. – Очень приятно. Догадываюсь, что вы появились здесь не случайно. Неужели мои неприятности так глубоко тронули руководство МВД?

Едва закончив фразу, он вдруг закашлялся хриплым захлебывающимся кашлем, согнувшись пополам и прикрыв рот ладонью. Гуров переглянулся с Крячко и предупредительно спросил:

– Может быть, мы не вовремя, Александр Александрович? Вы как себя чувствуете?

Журналист вынужден был снова сесть на кровать. Справившись с приступом кашля, он отер рукавом пижамы вспотевший лоб и сказал:

– Ничего, я в порядке. Первые два дня было гораздо хуже. Теперь меня, по крайней мере, не лихорадит. Здесь неплохо лечат, между прочим. Если вдруг заболеее – рекомендую!

– Нет уж, мы лучше народными средствами! – подмигивая, ответил Крячко. – По одежке протягивай ножки, как говорится.

– Но вы, Александр Александрович, наверное, легли сюда не только по этой причине? – серьезно спросил Гуров. – Правда, мы не заметили здесь особой охраны, но, видимо, она существует?

– Да, каждого сюда не пускают, – кивнул Бурдашов. – Конечно, это не секретный объект, и если кому-то сильно понадобится меня достать... Но все равно, знаете, как-то спокойнее себя чувствуешь. Однако вы располагайтесь, в ногах правды нет!

– Спасибо, мы и в самом деле присядем. – Гуров придвинул к себе стул, стоявший у стены, и уселся на него, краем глаза наблюдая за действиями Крячко, который выписывал по палате сложные вензеля, явно пытаясь рассмотреть, что выведено на экране ноутбука.

По его разочарованному лицу вскоре стало ясно, что все эти маневры не принесли результата, и Гуров, усмехнувшись, сосредоточил свое внимание на журналисте. Бурдашов выглядел неважно и явно нуждался в отдыхе. Но по лихорадочному блеску глаз, который не имел отношения к болезни, было ясно, что перед Гуровым человек действия, захваченный какой-то грандиозной идеей.

– Вы правильно угадали, Александр Александрович, насчет моего руководства, – почти панибратски сказал Гуров. – Очень оно за вас переживает. Вот и нас подключили. Так что, если не возражаете, я хотел бы прямо сейчас с вами побеседовать.

– Беседовать – моя профессия, – заметил Бурдашов. – Вы, наверное, хотите услышать, что со мной случилось пятнадцатого июля?

– И это тоже, – согласился Гуров. – Но сначала о другом. Я любопытный, есть такой грех, Александр Александрович. Вот и сейчас меня один вопрос мучит – болеете вы, а все равно, я смотрю, работаете. Это что же – свойство характера такое или редакция со сроками подгоняет?

Бурдашов наклонил голову, потер ладонью грудь, болезненно морщась, а потом сказал:

– Давайте не будем в прятки играть, Лев Иванович, ладно? Я же догадываюсь, почему вы здесь появились. И вы отлично знаете, что за материал я готовлю. Грустно, что такой человек, как вы, согласился принять участие в этом спектакле. Вы – замечательный сыщик, но лавры вашей жены вам не стяжать.

– Давайте оставим в покое мою жену и ее лавры, – предложил Гуров. – Я не стану даже говорить ни одного слова в свою защиту. Поговорим лучше о вас. Вы сами предложили играть в открытую. Я принимаю ваше предложение. Но хочу заметить, никакого спектакля разыгрывать я не намерен. Даю слово чести. Все будет по-настоящему.

– Но тогда вы рискуете не меньше моего, – сумрачно произнес Бурдашов. – И ваша карьера оказывается под большим вопросом. Эти люди не простят вам принципиальности. Здесь задеты их интересы.

– Иными словами, у вас есть вполне определенные подозрения, – полуутвердительно сказал Гуров. – И вы можете назвать имена тех, кого подозреваете?

Бурдашов улыбнулся и посмотрел Гурову в глаза.

– Я не настолько наивен, – ответил он. – У меня собрано еще слишком мало доказательств. Но, безусловно, в материале, который я готовлю, будет прозрачно указано на те круги, где принято решение расправиться со мной...

– Прошу прощения, – перебил его Гуров. – Не хочу навязывать вам свою волю, но, знаете, люди торопятся, а потому ошибаются. Может быть, вам тоже не стоит так уж торопиться? Я слышал, журналисту вашего уровня не к лицу печатать непроверенные материалы. Может быть, все-таки попробуем сначала вместе проверить? – Он спокойным и уверенным взглядом выжидательно уставился на журналиста.

Бурдашов опять закашлялся, потянулся к столику, на котором стояли лекарства, и залпом выпил какую-то микстуру. Гуров терпеливо ждал. Наконец журналист сказал убежденно:

– Я должен подумать о своей безопасности. Вы мне ее не обеспечите, верно? Гласность – единственная моя защита.

– Вы можете и ошибаться, – заметил Гуров. – Вы же не господь бог. По-моему, для всех было бы лучше, если бы вы хоть немного приоткрыли нам свои тайны. Может быть, нам удалось бы что-то нащупать. Какой-нибудь спасительный якорь...

– В этом нет никакого смысла, – упрямо сказал Бурдашов. – Я собирал данные на одного влиятельного чиновника из администрации Президента. В тот самый момент, когда мне

должны были доставить наиболее важные материалы, на меня напали и подвергли обыску – и меня, и мое жилище. Какие еще совпадения вам нужны?

– В жизни всякое случается, – философски заметил Гуров. – Мы вот тут с товарищем, пока к вам ехали, подумали немного. Если верить вашим показаниям, встреча ваша в тот день не состоялась, не так ли? Какой же смысл был вас похищать, обыскивать? Не вяжется тут что-то.

– А я знаю, какой смысл? – сказал Бурдашов уже не столь, впрочем, уверенно. – Возможно, спецслужбы решили перестраховаться.

– Маловероятно, – покачал головой Гуров. – Если о вашем свидании было известно заранее, проще было взять вашего информатора. И зачем вообще нужно было трогать вашу квартиру? Кстати, когда вы обнаружили, что квартира вскрыта?

– Когда вернулся домой, – сказал Бурдашов. – Уже во второй половине дня. Сами понимаете, пока мне удалось получить помощь, пока я вызывал милицию на место происшествия, пока работала следственная группа, прошло достаточно времени...

– И что вам бросилось в глаза, когда вы попали в квартиру? – неожиданно спросил Крячко, все еще выписывающий круги по комнате. – Я имею в виду, вы сразу заметили беспорядок?

– Не сказать, что это бросалось в глаза, – неохотно сказал Бурдашов. – Но, безусловно, я заметил, что некоторые вещи лежат не на своих местах. Кроме того, входной замок открылся с некоторым трудом, чего раньше за ним не замечалось.

– Вот это меня и удивляет, – невинно заметил Крячко. – Зачем профессионалам оставлять следы? Ты как думаешь, Лева?

– Меня больше интересует другой вопрос, – сказал Гуров. – Из квартиры что-нибудь пропало? Например, материалы, касающиеся этого вашего влиятельного чиновника? Они ведь хранились у вас дома?

– Нет, они хранятся в другом месте, – самодовольно проговорил Бурдашов. – Из квартиры ничего не пропало. Однако я обратил внимание, что интересовались, в основном, жесткими носителями для компьютера. Их явно просматривали, и довольно дотошно. Знаете, привыкаешь, в каком порядке лежат твои документы, и если их касается кто-то посторонний, это заметно.

– Грубо говоря, вы материально не пострадали, – заключил Гуров. – Ничего у вас не пропало, и вас оставили в покое. Однако вы почему-то уверены, что вам угрожает опасность. Откуда такая уверенность?

– А вы на моем месте чувствовали бы себя иначе? – поинтересовался Бурдашов.

– Наверное, нет, – сказал Гуров. – Но я бы постарался уточнить, откуда исходит опасность. Поверьте мне, в этом деле далеко не все так ясно... Скажите, а вы чем-то еще занимались, кроме этого чиновника? Может быть, есть еще люди, которых вы заделали за живое?

Журналист пожал плечами.

– Конкретно нет, – сказал он. – Так, только по мелочам... Но, понимаете, в моем расследовании задеты интересы не одного конкретного человека. Это естественно.

– Вы можете назвать нам имя своего последнего информатора? – спросил Крячко. – Ну, того, с кем вы разошлись, как в море корабли?

– Этого я не стану делать, – твердо сказал Бурдашов. – Но даже если бы я назвал вам его имя, что бы это дало? Теперь он будет молчать – вы не вытянете из него ни единого слова.

– Тогда придется продолжить наш разговор, – вздохнул Гуров. – Если вам не трудно, расскажите, что вы делали пятнадцатого числа – с того самого момента, как встали с постели. Мне хотелось бы знать все подробности.

– Извольте, – опять пожал плечами Бурдашов. – Все было довольно обычно. Ничего экстраординарного. Честно говоря, когда роешься в чем-то грязном белье, всегда держишься настороже. Но тут и этого не было. Я чувствовал себя на удивление спокойно.

– Итак, все-таки как прошло то утро? – повторил Гуров.

– Встал я рано, – сказал Бурдашов. – В шесть. Встреча была назначена на восемь часов. Я всегда встаю рано – не люблю расслабляться. Ну, что дальше? Душ, легкий завтрак – все как обычно. Мне никто не звонил. Я был совершенно спокоен. Может быть, это спокойствие меня и подвело...

– Что вы имеете в виду? – быстро спросил Гуров.

Бурдашов махнул рукой.

– Стыдно в этом признаваться, но ведь встречу, по сути дела, я и сорвал! Опоздал. Не намного, минут на пять, но, сами понимаете, в таких делах это недопустимо.

– И на старуху бывает проруха? – понимающе сказал Крячко.

– Скорее уж, здесь подошла бы другая поговорка, – криво улыбнулся Бурдашов. – Ищите женщину. Неожиданно пришла одна знакомая – пришлось строить из себя радушного хозяина, одновременно соображая, как ее выпроводить. А это тоже не сразу получилось. Если занимаешься тем, что постоянно что-то вынюхиваешь, поневоле становишься подозрительным.

– Значит, у вас были подозрения, что эта знакомая появилась у вас неспроста? – обрадовался Гуров.

– Ну, я бы так не сказал, – пробормотал Бурдашов. – Просто я имею в виду, что подозрительность у тебя уже в крови, понимаете?... Вообще эта женщина никогда не интересовалась политикой...

– А с какой целью она приходила? – спросил Крячко. – О чем вы говорили?

– Если откровенно, не понял я, с какой целью, – сказал Бурдашов. – А говорили?... Так, ни о чем, какой-то поверхностный треп. Правда, мне показалось, что Анна чем-то встревожена. Но, честно говоря, мне было не до нее. В конце концов мне удалось отделаться – наплел чего-то с три короба. Потом поехал на встречу. Ну а потом...

– Потом на вас напали, – кивнул Гуров. – А вы уверены, что вам удалось отделаться от вашей знакомой?

– Да, конечно! Она села в свою машину и уехала раньше меня. Это все было на моих глазах. Собственно, я ждал, пока это случится, – вот и потерял время...

– Простите за нескромный вопрос, – вмешался Крячко. – А кто она такая, эта Анна? Вы хорошо ее знаете?

На лице журналиста появилось выражение, которое можно было расценить и как досаду, и как смущение.

– Анна? – повторил он. – Анна Немова. Раньше про нее бы сказали – дама полусвета. Имеет гуманитарное образование, какое-то время подвизалась в модельном бизнесе, в рекламном, редактировала некий рискованный журнал – в общем, всего понемногу. Довольно красива, пользуется успехом у мужчин определенного круга... Но мне не хотелось бы вдаваться в эти подробности, – он поднял глаза на Гурова. – Это не совсем порядочно с моей стороны. Дело в том, что какое-то время мы были довольно близки. Ничего серьезного, но тем не менее...

– Понимаю, – сказал Гуров. – Но ее визит, тем более такой ранний, вас удивил, не так ли?

– Пожалуй, – замялся Бурдашов. – Хотя, в принципе, она способна и не на такие экстравагантные поступки. – Он устало провел рукой по лицу и неожиданно добавил: – Если не возражаете, я хотел бы перенести разговор на завтра. Все-таки я не слишком хорошо себя чувствую...

Гуров предупредительно поднял ладони и сразу же согласился:

– Как вам будет угодно, Александр Александрович! Мы ни на чем не настаиваем. Это же не допрос, в самом деле! Единственная просьба – не могли бы вы сообщить адрес вашей знакомой? Интересно было бы с ней побеседовать...

Бурдашов посмотрел на Гурова с подозрением, но тут же деланно рассмеялся.

– Вы полагаете, Анна имеет какое-то отношение к случившемуся? Абсурд! Впрочем, беседуйте, я не возражаю. Только с адресом ее я вряд ли вам помогу. Она недавно вышла замуж – за какого-то бизнесмена. Живет где-то в Слесарном переулке. Но я у нее там не был.

– Ничего страшного, – улыбнулся Гуров. – Найдем – на то мы и сыщики. А вы поправляйтесь, Александр Александрович! И ни о чем не беспокойтесь – мы и ваших обидчиков найдем!

На губах журналиста появилась скептическая улыбка.

– Именно за это я больше всего и беспокоюсь, – заявил он. – Или вам покажется, что найдете.

Глава 3

– Темнит чего-то наш журналюга – ты как думаешь? – спросил Крячко, когда они с Гуровым покинули клинику и уселись в машину. – Заметил, как он скис, когда речь про его дамочку зашла? Что-то тут не так!

– А ты чего ожидал? – буркнул Гуров. – Он же уверен, что мы за его тайнами приходили. Он ведь не знает, что мы с тобой образцовые служители закона – хоть плакат с нас пиши! Он-то уверен, что таких в природе не существует!

– М-да... Есть многое на свете, друг Гораций, что и не снилось нашим папарацци! – глубокомысленно заметил Крячко. – Но, между прочим, некий пиетет к твоей персоне он все-таки испытывал – этого у него не отнимешь.

– Слава богу! Иначе он и того бы не рассказал, что мы сегодня услышали. Ребят из МУРа он, во всяком случае, баловать не стал. Интересно, что он наплел следователю? Знаешь, кого поставили на это дело? Бенедиктова! Он спит и видит себя на пенсии. С этой мыслью засыпает и с ней же встает... Кстати, он сегодня с утра должен прийти в главк. Дарю его тебе – пользуйся!

Крячко присвистнул и с юмором посмотрел на Гурова.

– А я думал, пресс-конференция – дело старшего тренера, – сказал он. – Мне, конечно, нетрудно поговорить с хорошим человеком, только, может, тебе самому лучше?

– Мне сегодня еще на ковер идти, – покачал головой Гуров. – Орлов ежедневного личного отчета требует – совсем с ума посходили! А мы с тобой еще даже не решили, кто кого за нос водит! Я тебя сейчас в главк подброшу, а сам к одному человечку заскочу – насчет гражданки Немовой поинтересуюсь. А ты, как с Бенедиктовым разберешься, нагрянь на улицу Расплетина – посмотри, в каких условиях наш правдолюбец живет. Может, у соседей чего узнаешь. Особо насчет пятнадцатого числа порасспрашивай!

– Слушаюсь! – весело сказал Крячко. – А насчет вечера ты подумал?

– А что насчет вечера? – не понял Гуров.

– Ну как же! – округлил глаза Стас. – Холостую жизнь надо отметить? Не все же работать!

– Ну, поскольку ты – автор идеи, то на тебя и возлагаю ее исполнение! – усмехнулся Гуров.

– Ты, Лева, когда-нибудь и в рай на чужом горбу въедешь! – пробормотал Крячко, но по его лицу было видно, что он не так уж недоволен возложенными на него обязанностями.

Гуров не собирался разыскивать Немову через адресный стол и тем более не помышлял обходить все дома в Слесарном переулке. Он избрал другой вариант. Примерно зная теперь, в каких кругах она вращается, Гуров решил навести справки у своего хорошего знакомого, с которым его столкнула судьба, когда он расследовал убийство, совершенное в кинематографической среде. Таким образом, кроме адреса, Гуров надеялся заполучить и какую-нибудь сопутствующую информацию.

Дмитрий Слонов, которого все звали просто Димой, начинал с карьеры актера, но больших успехов на этом поприще не добился и в последние годы занимался кастингом для телевизионной рекламы. Он знал, кажется, всех и вся в Москве – особенно в той артистической тусовке, что интересовала Гурова.

Дима был катастрофически занятым человеком, но, когда Гуров позвонил ему и попросил о встрече, он сразу же согласился, предложив поговорить в одном уютном ресторанчике на Новом Арбате. Гуров поехал туда.

Его уже ждали. Молодой человек в строгом костюме, прилизанный и услужливый до приторности, встретил Гурова у входа и проводил к столику, за которым сидел Дима.

Время посещения ресторанов еще не подошло, поэтому зал был практически пуст. Сквозь тонированное оконное стекло великолепно просматривалась панорама яркой шумной

улицы, залитой потоками горячего солнечного света. В помещении же бесшумно работающий кондиционер создавал ощущение свежести и блаженной прохлады – закрыв глаза, можно было представить, будто находишься на берегу просыпающейся реки.

Дима привстал навстречу Гурову и с широкой улыбкой протянул ему руку. За то время, что они не виделись, актер сильно изменился – он заметно постарел, полысел, приобрел брюшко и самоуверенный взгляд. Одет он был с богемной небрежностью, но вещи на нем были недешевые – это сразу бросалось в глаза.

– Лев Иваныч, дорогой! – провозгласил он. – Сколько лет, сколько зим! А я уже решил, что вы удалились от дел! А вы все такой же орел, как и раньше! Великолепно выглядите! Как вам удастся держать форму?.. Выпьете чего-нибудь?

Он весело тархтел, а глаза его, холодные и настороженные, быстро ощупывали Гурова с ног до головы – Дима пытался вычислить, что на уме у сыщика и для чего он Гурову мог понадобиться. Вполне возможно, у него самого были какие-то проблемы с Уголовным кодексом.

Гуров крепко пожал протянутую руку, уселся за столик и, обернувшись к почтительно помалкивающему официанту, сказал:

– Мне ничего не надо. Если только чашку кофе – покрепче и погорячее!

– Как обычно! – кивнув официанту, распорядился Дима и сокрушенно признался Гурову: – Ну а я вот приму коньячка! Сам знаю, что нехорошо, но иначе не могу – это у меня вроде лекарства. Жизнь сейчас, Лев Иванович, – сплошной стресс! Приходится взбадриваться.

– Ты бы лучше в спортзале взбадривался, – заметил Гуров, критически оглядывая фигуру собеседника. – Ты ж молодой еще, Дима! А посмотри, какая у тебя талия!

Бывший актер махнул рукой.

– Какой спортзал! Какая талия, Лев Иванович! Я вас умоляю, как говорят в Одессе! Хронический цейтнот! Добавьте в сутки еще три часа – мне и того будет не хватать!

– Намек понял! – добродушно рассмеялся Гуров. – Не буду отнимать драгоценного времени. Спасибо, что согласился встретиться. Но раз уж согласился, то Расскажи мне про одного человека... Думаю, ты ее должен знать.

На обрзгшем лице Димы появилось выражение полного внимания и желания помочь.

– Ее? – переспросил он. – Значит, это женщина?

– Вот именно, – кивнул Гуров. – И, говорят, красивая женщина. Немова Анна – слышал такое имя?

Дима оживился. В глазах его появился радостный блеск, точно Гуров рассказал ему совсем новый и очень смешной анекдот.

– Слышал ли я это имя?! Я стоял у его истоков, Лев Иванович, если можно так выразиться! Я, я вытащил ее из безвестности и дал ей путевку в столичную жизнь!

– А если без красивых слов? – сказал Гуров.

Дима не успел ответить. Появился официант с передвижным столиком. Он поставил перед Гуровым чашку кофе, черного и горячего, как кипящая смола, а перед Димой – бокал с коньяком, полный почти до краев, нарезанный тонкими ломтиками лимон и, к удивлению Гурова, тарелку какой-то густой дымящейся каши.

Перехватив изумленный взгляд опера, Дима немного смущенно объяснил:

– Мое собственное ноу-хау. Можно сказать, открытие. Коньяк, лимон и кукурузная каша. И ощущение свежести, как говорится, целый день!

В подтверждение своих слов он немедленно схватил бокал и, наморщив лоб, выцедил коньяк до дна. Затем бросил в рот дольку лимона и тут же навалился на кашу, деловито орудуя ложкой. При этом он заговорил почти с той же скоростью, что и жевал:

– Значит, так! Лет шесть назад это было. Я тогда в комиссии по Дню города работал. Ну, всякие там карнавалы, театрализованные представления, шествия – вы же знаете... Я тогда и сам еще чего-то такое изображал, но больше уже по организации... Массовка мне нужна

была – сотня девушек в коротких юбчонках, кордебалет, типа, представляете? Вот тогда эта Аня Немова мне и подвернулась. Вообще, ничего особенного в ней не было – пожалуй, только эдакий зазывный огонек в глазах... Я, помню, именно на глаза внимание и обратил. Других особых данных за ней не числилось, хотя, надо признать, хватка у девочки имелась. Она быстро освоилась в столице. Короче, после этого праздника мы с ней закрутили любовь. Но ненадолго. Немова вскоре разобралась, что к чему, и нашла себе любовника более перспективного – во всяком случае, так ей казалось. Это был режиссер. Он обещал снять ее в главной роли, но почему-то не успел. Потом ей удалось стать моделью...

– Извини, – перебил его Гуров. – Ты говоришь, освоилась в столице. Выходит, она приезжая?

– Само собой, – кивнул Дима. – Из какого-то то ли Весьегонска, то ли Волоколамска. Не москвичка она, нет...

– Ну, за шесть лет любой себя москвичом почувствует, – заметил Гуров. – А с тех пор, как вы расстались, ты с Немовой встречался?

– Пересекались иногда, – ответил Дима. – Но теперь я ей не нужен – козе понятно. Так только – здравствуй-прощай... И на том спасибо. Она теперь замуж вышла. Удачно, между прочим, – за Володю Переверзева, слышали про такого?

Гуров вопросительно посмотрел на Диму. Тот, уже слегка захмелевший, снисходительно улыбнулся.

– Ну как же! По вашему ведомству же! Говорят, когда-то с рэкета начинал... Неужели не встречались на узенькой дорожке?

– Не царское это дело – налетчиков хватать... – пробормотал себе под нос Гуров и нетерпеливо махнул рукой.

– Понял! – послушно сказал Дима. – Короче, все это в прошлом. Теперь у Переверзева сеть магазинов модной одежды, а недавно модельное агентство открыл – «Палома» называется. Заправляет там Немова – видимо, большим специалистом себя считает в этой области...

– Адреса назвать можешь? – спросил Гуров. – Агентства, офиса Переверзева, ну и домашний, конечно.

– Живут они в Слесарном переулке. Только я точный адрес не знаю, да и искать их лучше на работе. Трудоголики они. Агентство «Палома» ищите в комплексе «Зенит» на Вернадского, а сам Переверзев где-то на Садовнической заседает.

– Хорошо, поищем, – сказал Гуров. – А что ты насчет личной жизни можешь сказать? Я Немову имею в виду. Какие у нее связи?

– Это вы насчет любовников? – понимающе спросил Дима. – Чего не знаю, того не знаю. Говорю же, мы теперь почти чужие. Но вообще она мужиков никогда не сторонилась. Думаю, и теперь вряд ли изменилась. Правда, просто так спать она ни с кем не будет – не тот характер. Ей обязательно надо, чтобы приятное с полезным сочеталось.

– То есть, если ей от тебя вдруг что-нибудь понадобится, она может к тебе вернуться?

Дима засмеялся и сказал:

– Ко мне вряд ли! Не придумаю даже, что ей сейчас от меня могло бы понадобиться. Я ничем не рулю, бабок у меня настоящих нет. Зачем ей это? Банкир там, депутат, авторитет криминальный, на худой конец – вот кто ее заинтересовать может...

– Неужели и авторитет? – спросил Гуров.

Дима спохватился, посмотрел на опера очень внимательно и покачал головой.

– Я к примеру, – сказал он. – А что – Анна во что-нибудь вляпалась, Лев Иванович?

– Я этого не говорил, – ответил Гуров, вставая. – За кофе спасибо. А тебе все-таки советую стрессы в спортзале снимать, а не в ресторане.

– Да ладно, Лев Иванович! – махнул рукой Дима. – Горбатого только могила исправит. Я свой организм знаю.

– Ну-ну, – усмехнулся Гуров. – Тогда всего хорошего! Можешь меня не провожать.

Он вышел из ресторана. Разворачивая «Пежо» в сторону проспекта Вернадского, Гуров прикидывал, что полезного можно извлечь из рассказа Димы. Выходило не так уж много, но кое-что Гурова все-таки смущало.

Если Немова действительно была эдаким Растиньяким в юбке и ничего не предпринимала без расчета, то было не совсем понятно, зачем пятнадцатого июля она вдруг заявила к Бурдашову, да еще в столь ранний час. Гуров согласился бы, что это было случайностью, неким неконтролируемым капризом, если бы в тот же день журналист не стал жертвой насилия. За свою долгую практику Гуров научился с подозрением относиться к такого рода совпадениям.

Он до конца еще не принял на веру основной тезис, который преподнесло ему руководство, – о непричастности к делу чиновников из Кремля, но совсем не исключал, что именно они могли как-то использовать владелицу модельного агентства. Оставалось выяснить, так ли это.

Гуров прекрасно понимал, что шансов на успех у него крайне мало. Если затронуты интересы таких могущественных людей, то все замешанные в этом деле будут молчать как рыбы и понадобятся колоссальные усилия, чтобы отыскать хотя бы какую-то ниточку. Не исключен и такой вариант, что его постараются навести на ложный след, поэтому нужно быть бдительным вдвойне. В поддавки Гуров играть не собирался. Если кто-то считает возможным использовать его доброе имя, то он с этим категорически не согласен.

Почему-то у Гурова с самого начала была уверенность, что Немову он на работе не застанет, несмотря на заверения Димы, что искать ее нужно именно там. Так оно и вышло.

Модельное агентство «Палома» не показалось Гурову таким уж солидным предприятием. В офисном центре «Зенит» оно занимало всего несколько небольших комнат, и обстановка в этих помещениях мало напоминала рабочую. Девушки с цветными волосами и томные юноши в кружевных нарядах, которых Гуров там встретил, выглядели людьми, изнемогающими от безделья. Возможно, причина была в том, что хозяйки заведения не было на месте.

Об этом Гурову сообщила немного испуганная тридцатилетняя женщина, представившаяся Мариной Витальевной, одетая и причесанная с редким вкусом и мало оттого похожая на остальной контингент агентства. На правах заместительницы Немовой она объяснила Гурову, что Анна Викторовна вряд ли сегодня появится, и лучше поискать ее дома. Правда, домашний адрес заместительница наотрез отказалась дать, заявив, что у них это не принято.

– И вообще, мы сами не знаем, где сейчас Анна Викторовна, – заявила она.

Гурову уже становилось по-настоящему интересно.

– Послушайте, Марина Витальевна, – сказал он, обворожительно улыбаясь. – Я мало чего понимаю в модельном бизнесе, но, думаю, в организационном плане он мало отличается от любого другого. Когда подчиненные не знают, где находится их начальник, это настораживает. Случайно, ваша фирма называется не «Рога и копыта»?

На улыбку Гурова Марина Витальевна отреагировала, кокетливо поправив прическу и приподняв верхнюю губку, отчего обнажился ряд идеальных белоснежных зубов. Но «Рога и копыта» ее обидели.

– У нас очень перспективная фирма, – с вызовом сказала она. – И в отсутствие руководителя наша работа отнюдь не останавливается. Но это совсем не значит, что мы будем делиться информацией с каждым встречным...

– Я не каждый встречный, – добродушно заметил Гуров. – Я – старший оперуполномоченный по особо важным делам. Вот мое служебное удостоверение.

Бедная Марина Витальевна даже позабыла закрыть рот. Красную книжечку она взяла в руки с опаской. «Берет, как бомбу, берет, как ежа...» – мысленно продекламировал Гуров и усмехнулся.

– А... а что, собственно, случилось? – спросила Марина Витальевна, с трудом проглотив вставший в горле комок и глядя на Гурова, как овечка.

– А что случилось? – притворно удивился он. – Я пытаюсь выяснить, где находится ваш руководитель, а вы у меня спрашиваете, что случилось.

Женщина выглядела совсем растерянной. Она зачем-то оглянулась через плечо, стиснула руки и жалобно сказала:

– Но я правда не знаю, где Анна Викторовна! Если она не сообщает – что же я могу сделать? Она просто позвонила на днях и сказала, что, пока ее не будет, я должна замещать ее. Куда она отправилась – она мне не докладывалась.

– И часто она у вас так? Пропадает и не докладывается? – поинтересовался Гуров.

– Бывает, – уклончиво сказала Марина Витальевна.

– А последний раз она пропала не пятнадцатого июля случайно? – хладнокровно осведомился Гуров.

Марина Витальевна покраснела.

– Пятнадцатого! – почтительно сказала она. – Значит, все-таки что-то случилось?

Гуров снисходительно посмотрел на нее сверху вниз и благодушно заметил:

– Если к вам приходит милиционер, это еще не значит, что завтра вас потащат в тюрьму. Просто милиционер – существо любопытное. В принципе, ведь каждого можно спросить – что ты делал пятнадцатого числа с трех до полуночи? И не каждый сможет сразу ответить. Так что не принимайте близко к сердцу, будьте проще и чаще сплевывайте!.. Все понятно?

По всему было видно, что Марина Витальевна совершенно сбита с толку, но, с ужасом глядя на Гурова, она послушно кивнула головой. Гуров попрощался и ушел, размышляя над тем, какой переполох вызовет его визит у Немовой в том случае, если заместительница его обманула и сейчас же побежит докладывать об этом начальнице. В каком-то смысле это будет совсем не лишним – если за Немовой есть какие-то грешки, она непременно начнет волноваться и совершать необдуманные поступки. Так бывает почти всегда, и сыщику это на руку.

Из машины Гуров позвонил по мобильнику в свой кабинет, надеясь переговорить с Крячко, но того не было – должно быть, отправился на улицу Расплетина исследовать жилищные условия Бурдашова. Это произвело на Гурова благоприятное впечатление – Стас не терял времени, а время сейчас имело особое значение.

Ему тоже надо было поторапливаться. Время шло к обеду, а Гуров давно уже убедился, что деловых людей нужно разыскивать до обеда. Позже этого часа они имели обыкновение бесследно растворяться – со служебной собакой не сыщешь. Вряд ли Переверзев в этом как-то отличался от прочих.

Гуров попытался вспомнить, не попадался ли ему действительно, как выразился Дима, «на узенькой дорожке» человек с такой фамилией. Но на память ничего не приходило. Решив, что запомнить всех нарушивших когда-либо закон запомнить невозможно, будь ты хоть семи пядей во лбу, Гуров перестал мучиться и поехал искать офис Переверзева.

– Жизнь покажет, – пробормотал он себе под нос. – Вот взглянем на него, и все сразу ясно станет, какой это Переверзев!

Глава 4

Восьмизэтажное светлое здание офисного центра на Садовнической произвело на Гурова внушительное впечатление. Видимо, дела у этого Переверзева шли совсем неплохо, раз он умудрился обосноваться в непосредственной близости от Москвы-реки и от Кремля. При воспоминании о Кремле у Гурова заняло под ложечкой и снова испортилось настроение. Он усилием воли заставил себя не думать обо всех сопутствующих обстоятельствах расследования. Вести его надо было как самое заурядное, самое рутинное дело о какой-нибудь краже примуса, не думая ни о начальстве, ни о кремлевской стене, ни о каких других высоких материях. И уж ни в коем случае нельзя было размышлять о возможных последствиях – только в этом случае стоило рассчитывать на успех.

Гуров припарковал машину на стоянке, вошел в здание и, выяснив в справочной службе, где находится офис Переверзева, поднялся в лифте на четвертый этаж. К его радости, глава фирмы оказался на месте.

Сам офис оказался не так уж велик – три кабинета, где размещались бухгалтерия, замы и сам Переверзев, а также небольшая приемная. Зато секретарша у Переверзева была первый класс – длинноногая, полногрудая, с восхитительными золотистыми волосами и завораживающим голосом. Посетители-мужчины, должно быть, таяли от одного звука этого голоса. Гуров таять не стал, а сразу подумал о жене Переверзева и о том, какое впечатление на нее должна производить такая фея на рабочем месте супруга.

Секретарша оказалась не только красивой, но и довольно любезной особой. К тому же такой импозантный мужчина, как Гуров, тоже явно произвел на нее впечатление. Она предупредительно сообщила, что Владимир Сергеевич занят, но, возможно, сумеет принять Гурова, если тот не отнимет у него слишком много времени.

– Владимир Сергеевич должен сейчас уехать, – почти интимным тоном сказала она, одаривая Гурова влажным глубоким взглядом синих глаз. – Но я ему доложу о вас. Скажите, пожалуйста, вашу фамилию...

Гуров не стал играть в таинственность, а сразу выложил всю свою подноготную. Его профессия смутила секретаршу, но одновременно и подстегнула ее. Девушка мигом вспорхнула с места и скрылась за дверью кабинета. В последнюю секунду Гуров опять поймал на себе ее тревожный синий взгляд и ободряюще улыбнулся.

Ждать ему пришлось совсем недолго. Почти сразу же секретарша вернулась в приемную, а вместе с ней появился крепкий, коротко стриженный мужчина с квадратным подбородком и насмешливым изгибом узкого рта. Гуров мгновенно узнал его – это был Васильков, опер из МУРа, года два назад ушедший оттуда, чтобы попробовать счастья на ниве частного сыска. О его успехах Гуров ничего не слышал, да он и не был никогда с Васильковым особенно близок, но появление этого человека в кабинете Переверзева насторожило Гурова. Это было еще одно совпадение, слишком симптоматичное, чтобы быть случайным.

Они сдержанно поздоровались, подозрительно разглядывая друг друга, но поговорить с Васильковым Гуров не успел, потому что секретарша предложила ему зайти в кабинет. Сейчас это было важнее, и Гуров, кивнув бывшему коллеге, решительно шагнул в раскрытую дверь.

Кабинет Переверзева был оборудован по-современному – функциональная мебель, подвижное кресло, компьютерная техника, все сверкало и поражало глаз энергичностью форм. За столом сидел не старый еще, но уже раздавшийся в талии мужчина с неподвижными мрачными глазами, которыми он буквально сверлил подходившего к нему Гурова.

При взгляде на его чисто выбритое, обрюзгшее, со шрамом поперек нижней губы лицо Гуров подумал, что все-таки они где-то прежде встречались – только тогда это лицо было значительно моложе и, пожалуй, нахальнее. Теперь-то на нем лежала печать опыта, разочарова-

ния и даже, пожалуй, смирения. О последнем, конечно, можно было говорить исключительно условно – это было смирение перед судьбой, а не перед людьми.

– Здравствуйте, – сказал Гуров, мысленно перебирая в уме возможные обстоятельства стершейся в памяти встречи. – Надеюсь, секретарша меня представила? Тогда не будем размазывать кашу по тарелке и перейдем сразу к делу, – он угадал, что такой грубоватый деловой тон лучше всего подходит в общении с этим сумрачным человеком.

– Я знаю, кто вы, – сурово сказал Переверзев. – Машка могла бы вас и не представлять. Лет пятнадцать назад я проходил по делу о нападении на бензозаправку. Меня освободили за недостаточностью улик. Вы этим делом не занимались, но мы встречались.

– Ну что ж, мир тесен, – заметил Гуров. – Я вижу, улики так и не нашлось? Разрешите, я присяду?

– Без вопросов, – сказал Переверзев. – Садитесь, куда вам удобнее. Может быть, кофе? Машка мигом сварганит. Или чего-нибудь покрепче?

У Гурова во рту еще держался вкус пережженного кофе, который он выпил в ресторане, а желудок уже начинал напоминать о приближении обеденного часа, поэтому он сказал:

– Спасибо, воздержусь.

– Наше дело предложить, – пожал плечами Переверзев. – А насчет улик, Лев Иванович, вы поздновато пришли. У меня теперь другая жизнь. Думайте, что хотите, а я возвращаться к прошлому не собираюсь. У меня много недостатков, но дураком я никогда не был.

– Наверное, – согласился Гуров. – На дураков сейчас спрос упал. А вы, я вижу, в порядке. Вот и женились недавно, говорят? Жена-красавица... – он испытующе посмотрел Переверзеву в глаза.

Хозяин кабинета заметно побледнел и стиснул пальцами край письменного стола. Гуров понял, что задел самое больное место, и приготовился к вспышке ярости. Но Переверзев сдержался и лишь глухо спросил:

– Пришли за жизнь поговорить, Лев Иванович? Про жен, про детишек? Сами же предлагали сразу к делу. Так не темните, выкладывайте, что там у вас за пазухой?

– Да ничего особенного, – пожал плечами Гуров. – По большей части, праздное любопытство. А про жену я потому спросил, что хотел бы с ней встретиться.

Брови Переверзева поползли вверх, и он недоверчиво спросил:

– С Анной? Она-то вам зачем? Что нужно оперу-важняку от добропорядочной замужней дамы? – Он криво усмехнулся. – Единственный ее недостаток, что она со всеми спала, но ведь это пока не считается преступлением?

Гуров кашлянул и осторожно сказал:

– Я, простите, человек старомодный, от жизни отстал. Не понимаю, вы в шутку это или на полном серьезе? Все-таки это ваша жена...

– Газеты не читаете, Лев Иванович! – неожиданно развеселившись, ответил Переверзев. – А там все написано, зачем «новые русские» на красавицах женятся.

– И зачем же? – с интересом спросил Гуров.

– А для престижа, – хладнокровно объяснил хозяин. – Чтобы в свет было с кем выйти. Анна баба видная, одевается со вкусом, манер нахваталась... Опять же знакомые – художники, артисты, банкиры, чиновники... Связей у нее – пол-Москвы! Я же говорю, она со всеми спала.

– Гм... Ну, ладно! – пробормотал Гуров. – Как раз это меня не слишком интересует. Мне всего-то надо задать вашей супруге пару вопросиков. Ничего особенного – просто есть подозрения, что она могла быть свидетелем преступления. А может, и не она это. Но нужно побеседовать.

Переверзев хитро прищурился.

– А что же ко мне-то пришли, Лев Иванович? – спросил он. – Насчет меня ведь нет подозрений? Или, может, недоговариваете чего?

– Жену вашу найти не могу! – притворно вздохнул Гуров. – Нюх, что ли, теряю? На работе ее нет, адреса никто не дает... Вот и пришлось через ближайших, как говорится, родственников...

Переверзев опять сделался мрачен и сверкнул на Гурова злым взглядом.

– А я вам ничем не помогу! – с вызовом сказал он. – У нас правило – в личную жизнь друг друга не вмешиваться. Где она – я не знаю.

– Что значит – не знаю? – удивился Гуров. – Дома не живет, что ли?

– Можно сказать и так, – глухо сказал Переверзев, опуская на секунду глаза. – Зайдите в «Палому». Это ее блажь – агентство модельное открыть. Перевод денег, я считаю. Но уговорила...

– Я уже там был, – перебил его Гуров. – Там мне сказали, что Анна Викторовна не появляется с пятнадцатого числа. Что случилось пятнадцатого числа, Владимир Сергеевич?

– А что случилось пятнадцатого числа? – удивился Переверзев, и, как показалось Гурову, не вполне искренне. – Ничего не случилось. С чего вы взяли?

– Ну как же, Владимир Сергеевич! – не отставал Гуров. – Жена ваша с пятнадцатого июля не появляется на работе. Вы тоже не знаете, где она. Странная ситуация, вы не находите?

– Это, может, для вас она странная, – буркнул Переверзев. – У вас, может, жена нормальная. А у меня, сами видите. Так что ситуация у нас самая обыкновенная. Повторяю, в личную жизнь другого у нас не принято лезть. Если желаете, оставьте телефончик – звякну вам, как жена появится. Как вам звонить – по 02?

– Нет, я теперь в главке, – ответил Гуров и тут же спросил: – А все-таки, простите мою настойчивость, расскажите, как у вас прошло утро пятнадцатого числа, Владимир Сергеевич! Когда встали, кто звонил, когда из дома вышли...

– Может, вам еще, как помочился, рассказать? – грубо спросил Переверзев. – Говорю же, ничего особенного пятнадцатого июля не было! Было обычное утро, понятно? И, простите, Лев Иванович, мне ехать нужно. Дела. Или на допрос пригрозите вызвать? – опять криво улыбнулся он.

– У меня нет для этого никаких оснований, – серьезно ответил Гуров. – Пока, во всяком случае. Однако на встречу с вашей супругой все-таки надеюсь. Не откажите в любезности позвонить, как обещали. Вот мой телефончик. Если меня не будет, передайте все, что нужно, коллеге, договорились?

– Нет базара, – грубовато откликнулся Переверзев, кивая, но Гуров уже был уверен, что звонка ждать бесполезно.

Покидая офис, Гуров не забыл на прощание приветливо улыбнуться великолепной секретарше и, уже нигде не задерживаясь, поехал в главк. Искать Немову дома было бесполезно – Гуров был убежден в этом. Следовало придумать что-то похитрее.

Крячко, оказывается, уже вернулся. Он был весел, голоден как черт и сразу потащил Гурова в столовую. Уминая обед, он ни на минуту не закрывал рта, однако при этом посматривал на Гурова весьма внимательно – Стас сразу понял, что настроение у начальника не слишком радужное, но терпеливо ждал, пока Гуров сам начнет речь о своих проблемах. Пока же говорил один он.

– Должен тебе сказать, что общение с Бенедиктовым дело не такое простое, как может показаться с первого взгляда. Во-первых, он целый час сокрушался, что не встретился с тобой лично. И, надо сказать, ты много потерял! Господин следователь прочел мне целую лекцию по юриспруденции и доказал как дважды два, что его дело работать с тем материалом, который собираем мы, сыщики, и розыскные мероприятия не находятся в его компетенции, особенно когда до пенсии осталось всего ничего. Тут он плавно перекинулся на медицину и в этой области тоже проявил немалые познания. Он рассказал мне про все свои болезни. Я только одно не понял – почему Бенедиктов до сих пор не на кладбище? В общем, про Бурдашова мы почти не

вспоминали. Этот вопрос господина следователя мало волнует. Правда, под конец он мне все-таки доверительно шепнул, что это дело очень щекотливое и в нем замешаны серьезные люди, а журналист сам во всем виноват. В этом я с ним, кстати, абсолютно согласен.

– Кончай треп, – хмуро перебил Гуров. – Ты на улице Расплетина был?

– Само собой, – кивнул Крячко. – Сейчас я до этого дойду. Но сначала хочу тебя обрадовать – готовы результаты экспертизы по автомобилю Бурдашова и по его квартире. Разумеется, никаких отпечатков пальцев, кроме хозяйских. В машине обнаружены следы подошв – все-таки дождь был, в этом нам повезло. Сейчас источник этих следов устанавливается. Возможно, в результате мы получим какую-нибудь редчайшую модельную обувь, сделанную для этой пары налетчиков по спецзаказу каким-нибудь обувным Страдивари. Но это, сам понимаешь, из области фантазий и мечтаний...

– Ты мне не про фантазии, – сказал Гуров. – Ты мне про реальность расскажи! Узнал чего-нибудь?

– Слушаю и повинуюсь! – Крячко уже расправился с обедом и теперь вместо сладкого принялся за доклад. – Был я на Расплетина. Неплохо наш журналист устроился, я тебе скажу! Знаешь, такой огромный жилой комплекс, совершенно обособленный, огорожен кованой решеткой. В дом просто так не попадешь – внизу в холле охранник сидит. У Бурдашова квартира на четвертом этаже, напротив какого-то Гольдина. Лестничный холл один чего стоит – загляденье! В самой квартире я, естественно, не был, но, думаю, там еще хлеще...

– Ты мне не про красоты, ты мне суть рассказывай! – потребовал Гуров. – Ты охрану, соседей опрашивал?

– Не первый день замужем, – самодовольно ответил Крячко. – Кое-что любопытное нарисовалось все-таки. Насчет соседей не получилось. Какие там соседи? Пока от квартиры до квартиры дойдешь – семь потов сойдет. Обособленно живут. А этого Гольдина, который на той же лестничной клетке проживает, я вообще не застал. А самое неприятное – у них видеокамера сломалась, которая на входе стоит. Будь она исправна, у нас бы в руках портрет налетчика был! Зато с охранником мне повезло – сегодня тот же парень дежурил, который и пятнадцатого числа был. Он кое-что видел.

– Что именно? – Гуров посмотрел на Крячко колючим цепким взглядом.

– Немову он видел, – сказал Крячко. – Он ее, оказывается, хорошо знает. Говорит, бывала она там и прежде. Очень эффектная женщина.

– Постой! – недовольно буркнул Гуров. – Без эффектов, пожалуйста! Что значит – бывала прежде? У кого бывала?

– А бог ее знает! – ответил Крячко. – Охранник на этот счет ничего вразумительного не сказал. Но видит он ее не впервые, это точно. Может, у них с Бурдашовым любовь далеко не кончилась – как думаешь, Лева?

– Думать потом будем, – отрезал Гуров. – Что-нибудь еще?

– Есть и еще, – деловито сказал Крячко. – Муровцам охранник об этом не рассказывал – посчитал неважным. Но дело в том, что Немова была с мужчиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.